

ПУБЛИЦИСТИКА ИЗ ЭМИГРАЦИИ (РАДИО-РЕЧИ ТОМАСА МАННА „*DEUTSCHE HÖRER!*“

Снежкова Ирина Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, Высшая
школа лингвистики и межкультурной коммуникации,
Тихоокеанский государственный университет,
(г. Хабаровск)
010080@togudv.ru

JOURNALISM FROM EXILE (THOMAS MANN'S RADIO SPEECHES "DEUTSCHE HÖRER!")

I. Sneshkova

Summary: Thomas Mann is a great representative of German literature of the 20th century, winner of the Nobel Prize in Literature, known to the public primarily as the author of numerous novels, short stories, and short stories, plays, essays and autobiographical works. However, his speeches are appeals to the German listener «Deutsche Hörer! "they are known only to a fairly narrow circle of readers and experts of the writer's work. In earlier works, the author of this article has already highlighted the features of expressive techniques and ways to achieve verbal expressiveness of the writer's prose, various linguistic and stylistic aspects of his journalistic texts, and among them, appearances on BBC radio. This article is devoted to the issues of the historical and political context of their origin, the formation of T. Mann in a new capacity for himself – a journalist, commentator, agitator, educator and comforter of the German people, the peculiarities of his «war on the air» against Nazism.

Keywords: address speeches, radio mission, emigration, politicization of thinking, war on the air, propaganda, counterpropaganda.

Аннотация: Томас Манн – великий представитель немецкой литературы 20 века, лауреат Нобелевской премии по литературе, известен широкой публике в первую очередь как автор многочисленных романов, рассказов и новелл, пьес, эссе и автобиографических произведений. Однако, его речи-обращения к немецкому слушателю „*Deutsche Hörer!*“ известны только достаточно узкому кругу читателей и экспертов творчества писателя. В более ранних работах автором данной статьи уже освещались особенности экспрессивной техники и способы достижения вербальной выразительности прозы писателя, разнообразные лингвистические и стилистические аспекты его публицистических текстов, а среди них, выступлений в эфире на радио Би-би-си. Данная статья посвящена вопросам исторического и политического контекста их возникновения, становления Т. Манна в новом для себя качестве – журналиста, комментатора, агитатора, просветителя и утешителя немецкого народа, особенностям его «войне в эфире» против нацизма.

Ключевые слова: речи-обращения, радио-миссия, эмиграция, политизация мышления, война в эфире, пропаганда, контрпропаганда.

*Ничто не воздействует более убедительно,
чем сказанное слово порядочного человека.
(Жюль Камбон, посол Франции в Берлине в
1907–1914 гг.)*

В период с 1940 г. по 1945 г. Т. Манн выступал в общей сложности 58 раз с пламенными радиообращениями к своим соотечественникам, которые транслировались ежемесячно из США, где писатель находился в вынужденной эмиграции. Совершая длительную поездку по Европе в 1933 году вместе со своей женой Катей, Т. Манн не предполагал, что больше не сможет вернуться в Германию, положение в которой изменилось стремительно и катастрофически быстро. В своем дневнике от 20 июля 1933 г. Т. Манн писал о том, что возвращение на родину исключено, невозможно, абсурдно, бессмысленно и угрожает его свободе и жизни: „Die Rückkehr ist ausgeschlossen, unmöglich, absurd, unsinnig und voll wüster Gefahren für Freiheit und Leben“ [1, S. 132].

Речи Т. Манна „*Deutsche Hörer!*“ представляют собой, пожалуй, самый значительный и захватывающий продукт политико-публицистического творчества писателя. Цель их – побудить немцев к восстанию против Гитлера

и национал-социализма. Благодаря этим выступлениям и своей деятельности в эмиграции Т. Манн получил почетное звание „Совесть нации“.

Однако, идейные поиски писателя, становление его публицистики не были простыми и однозначными. В конце 19 века Т. Манн находился среди сторонников аполитичного эстетизма. С точки зрения Х. Вайденхаупт, политика считалась в это время «неэстетичной, не поэтической и относилась к сфере грубого рукоприкладства, бессмысленной банальности и жестокой реальности. Ее противоположностью было искусство, с помощью которого культивировался вкус и ощущались тонкие нюансы жизни» [2, S. 13].

С началом Первой мировой войны, однако, начинается не только политизация мышления Манна, но и его карьера политического публициста. В предисловии к американскому изданию романа «Иосиф и его братья» он пишет: «Моя совесть пробудилась к политике после начала Первой мировой войны, которую я неизбежно должен был признать историческим поворотным моментом, впечатляющим завершением гражданской эпохи и отправной точкой для неизбежных потрясений... Умом и душой

я с тех пор погрузился в политику...» [3, S. 561–562].

На протяжении всего периода Веймарской республики Манн использовал любую возможность для пропаганды демократии как наиболее благоприятной, с его точки зрения, для человечества формы правления. А вскоре появляется еще один мотив для его публичных заявлений – предупреждение об опасности зарождающегося национал-социализма.

Манн воспринимал нацистскую угрозу преимущественно с интеллектуально-культурной точки зрения. Для той эпохи вообще было характерно смешивать культуру и политику. Только позже он осознал истинную опасность нацизма. Он был потрясен итогами выборов в рейхстаг, в результате которых национал-социалисты увеличили количество своих мест с 12 до 107. 17 октября 1930 г. он произнес свою речь „Обращение к Германии“ в берлинском зале имени Бетховена, в которой критикует национал-социалистическое движение, захлестывающее весь мир подобно «гигантской волне эксцентричного варварства и примитивно-массовой демократии» и пропагандирующее «диктатуру насилия» [2, S. 31].

10 февраля 1933 г., через несколько дней после захвата власти Гитлером, он читает лекцию о Рихарде Вагнере в Мюнхенском университете, в которой критикует коричневый культ композитора. Тем самым он снова навлекает на себя ненависть режима. В этот период он становится одним из самых решительных и наиболее часто звучащих голосов против Гитлера и его режима. Против него разгорается шумиха в прессе, и он решает остаться в Швейцарии по совету своих детей, где он отдыхал после поездки с лекциями.

Следующие строчки в одной из речей писателя свидетельствуют о том, насколько неожиданным стал для писателя такой поворот событий: «Отъезд 11 февраля 1933 г. для чтения лекций за границу – путешествие, предпринятое, как и сотни предыдущих, налегке.... Череда событий, которые я не берусь называть, преградила мне обратный путь ..., Против которых я ... боролся ... в течение десяти лет ... это привело к неограниченной власти в Германии с помощью насилия и хитрости ... Германия казалась мне отравленной... Дико-чужая и изможденная, она больше не давала мне места и воздуха для дыхания. Я не эмигрировал, я просто отправился в путешествие. И вдруг я оказался эмигрантом» [4, S. 482].

Манн не рассчитывал на длительное изгнание, ожидая, что благодаря силе католической народной партии в Баварии там все останется по-прежнему. Но он ошибался. Во время его отсутствия власти заблокировали все его банковские счета, командование СС разместилось на его мюнхенской вилле, офицеры СА конфисковали его машины. Генеральное консульство Германии в Швейца-

рии отказалось продлить паспорт Манна по указанию полицейского управления Мюнхена. 10 мая 1933 г. Томас Манн был исключен из Мюнхенского литературного консультативного совета.

В первые два года нацистской диктатуры Манн воздерживался от критики нового правительства. Он опасался запрета своих публикаций и, как следствие, оторванности от своей немецкой читательской аудитории. В письме от 4 августа 1934 г. своему другу Карлу Керени он пишет: «... скоро может наступить момент, когда я пожалую о том, что продолжал выжидательное молчание дольше положенного для этого срока» [2, S. 34].

Уже несколько позже, однако, мы читаем в его дневнике полные ненависти записи о новых правителях Германии. Он называет Гитлера «жалким субъектом, истеричным самозванцем, пустым чудовищем, негерманским самозванцем, апеллирующим к низменным инстинктам толпы». Геринга он называл «палачом-чистильщиком», который с удовлетворением подписывает смертные приговоры бойцам Сопротивления, Геббельса – «пропагандистом ада» [5, S. 692].

2 декабря 1936 г. Манн, его жена и четверо их детей были лишены немецкого гражданства. Манн воспринял это спокойно, потому что он „был гражданином Чехии уже 14 дней“. Что поразило его гораздо сильнее, так это лишение его звания почетного доктора философии деканом Философского факультета Боннского университета несколькими днями позже. Манн ответил открытым письмом декану, которое было напечатано во многих зарубежных газетах, а также распространено в Германии: „Я и думать не мог... что проведу свои последние годы в эмиграции, обездоленный и униженный у себя дома, в глубоком политическом протесте“. Он ясно указывает на опасность войны, исходящую от Германии, подчеркивая, что единственная цель нацистской системы превратить немецкий народ в слепое и фанатичное орудие войны, безжалостно подавляя и уничтожая всё препятствующее «грядущей победе».

Письмо декану произвело глубокое впечатление в эмигрантских кругах и развеяло последние сомнения в том, что Манн был противником нацистского режима. Отныне Манн считался послом другой, лучшей Германии в изгнании. Он активно помогал своим соотечественникам в эмиграции, часто с визами, выездными документами и средствами, в том числе, своими собственными.

В феврале 1938 г. Манн отправился с лекциями в очередную поездку по США, которая длилась почти 5 месяцев. В своей лекции «О грядущей победе демократии», прочитанную в 15 крупных городах Америки, он повторяет свое требование, прозвучавшее еще в 1935 году в эссе “Внимание, Европа!», противопоставить на-

цистам демократию, способную защищаться („wehrhafte Demokratie“) [4, S. 935]. Призыв Манна к такой «военной» демократии имел реальную политическую подоплеку: вскоре после его отъезда в марте 1938 г., немецкий вермахт вторгся в Австрию и объявил страну немецкой провинцией. Это побудило его год спустя использовать еще более резкие слова против молчаливого попустительства гитлеровской захватнической политике. В лекции «Этот мир», прочитанной сначала в Бостоне, а затем в других крупных городах Америки, он обвиняет европейские демократии в измене Чехословацкой Республике и подчеркивает, что „мир, основанный на таком ужасном беззаконии, предательстве и измене народов, никогда не может быть благословением“ [5, S. 842].

Тем временем 63-летний Томас Манн полностью обосновался в США – сначала в Принстоне, недалеко от Нью-Йорка, а затем в Калифорнии, недалеко от Лос-Анджелеса. В Америке он нашел атмосферу доброжелательности, которой ему не хватало в Европе. Он получил должность приглашенного профессора в Принстоне, которая обеспечивала его материальное существование, по крайней мере, на время. И, наконец, его потребность в публичной политической деятельности не была связана с Европой. Его турне по США с речью „О грядущей победе демократии“ вызвало огромный резонанс на национальном и международном уровнях.

Известие о начале Второй мировой войны застало Манна в Швеции, куда он отправился на международный конгресс после длительного отпуска в Голландии и Швейцарии. Конгресс не состоялся, и Манн поспешно вернулся в Америку на переполненном корабле. Будучи востребованным «лектором», он продолжал читать лекции, давать интервью в газетах, участвовать в политических призывах и публикациях, а также помогал беженцам из Европы закрепиться в Америке. Чтобы распространять свои политические идеи и в Германии, он впервые использовал радио. Он участвовал в «войне в эфире» против нацистской Германии своими обращениями к „немецким слушателям“, которые транслировались по радио Би-би-си в Лондоне.

В начале Второй мировой войны стало очевидным, что мощно выстроенной военной немецкой пропаганде необходимо противопоставить не менее массивную, научно и системно сформированную контрпропаганду как психологическое средство ведения войны. Важную роль в этом сыграла Британская радиовещательная корпорация.

В Германии согласно «Закону против вероломных нападок на государство и партию и о защите партийной униформы» от 20 декабря 1934 г. прослушивание иностранных радиовещательных компаний считается государственной изменой. 1 сентября 1939 года Совет министров обороны Рейха издал «Постановление

о чрезвычайных мерах по радиовещанию», в пункте 1 которого говорится: «Прослушивание иностранных вещателей запрещено. Нарушения будут наказываться тюремным заключением...». А пункт 2 гласит: «Любой, кто распространяет новости иностранных радио, будет наказан тюремным заключением, а в особых случаях — смертной казнью». Для устрашения служили также особые таблички, которые Имперское управление пропаганды в конце 1940 года предписало всем владельцам радиоприемников прикрепить на них эти напоминания, предостерегающие от прослушивания иностранных радиостанций. Конечно, нацисты стремились всеми способами технически воспрепятствовать приему иностранных передач. В 1933 и 1935 годах были разработаны и введены в производство народные приемники VE 301. В этих недорогих устройствах отсутствовала приемная часть для коротковолновой передачи, на которой транслировалось около 95 процентов зарубежных передач. (Короткие волны имеют большую дальность действия). Тех же, у кого еще оставались старые коротковолновые радиоприемники, пытались выявить, чтобы иметь возможность специально следить за ними. Кроме того, всем торговцам радио было приказано сообщать в гестапо о лицах, которые покупали компоненты, из которых можно было изготовить приемную часть для коротковолновой связи.

Целью британского правительства в то время было создать противовес нацистской пропаганде. Руководство Би-би-си значительно отошло от массовой пропаганды клеветы и лжи, которая использовалась британской стороной во время Первой мировой войны. Теперь же военные действия подавались достаточно реалистично. Так, например, победоносные действия немцев не скрывались, но в то же время их упоминание всегда подчеркивало, какую цену Германии приходится платить за осуществление нацистских завоевательных планов. В бесчисленных передачах редакторы Би-би-си указывали на ущерб от бомбардировок немецких городов, потери немецкого мужского населения, неуклонное ухудшение ситуации со снабжением в Германии, акции сопротивления на оккупированных территориях. Редакторы Би-би-си приложили немало усилий, чтобы поколебать доверие немцев к своим лидерам. Эффективным средством уличить их во лжи и неискренности было противопоставление их прежних невыполнимых обещаний мрачной действительности. При этом использовались подлинные оригинальные звуковые цитаты Гитлера и других нацистских лидеров.

Среди лингво-психологических средств убеждения немцев в достоверности и правдивости новостей Би-би-си была максимальная публицистическая точность, тщательное указание названия, времени и места происходящего, интерпретация и оценка, открытые призывы к свержению нацистского режима.

Кроме того, комментаторам было рекомендовано избегать формулировок об ответственности немецкого народа за преступления, совершенные от его имени. Доверие слушателей надеялись завоевать, тщательно проводя различие между преступной нацистской элитой и немецким народом. Каждое заявление, в конечном счете, служило доказательством того, что Германия не может закончить войну победоносно.

Программы на немецком языке начали транслироваться 27 сентября 1938 г. Во всех европейских вещательных компаниях еще до начала войны существовал строгий отбор персонала. Немецкие эмигранты не приглашались для выступлений из-за опасений попасть под влияние интересов изгнанников и эмигрантских радиостанций. В конце концов, эмигранты считались предателями в широких кругах Германии или сразу же объявлялись евреями, что, согласно аргументам Би-би-си, могло привести к потере слушателей. Исключением был немецкий актер В. Рилла, который возглавлял немецкую редакцию Feauture с осени 1940 по осень 1942 г.

Несмотря на эти правила, без немецких сотрудников Би-би-си не могла полностью обойтись. Благодаря знанию языка и немецких реалий они были гарантами качественного вещания. Большинство немцев, работающих на Би-би-си, выполняли чисто исполнительные функции, такие как перевод, озвучивание и анонсирование передач. Немцам также было разрешено официально участвовать в разработке концепции и дизайна программ и помогать британским комментаторам стилизовать свои тексты.

Помимо постоянных немецких сотрудников несколько из них регулярно или время от времени работали на Би-би-си. Самым выдающимся немецким деятелем, которого Би-би-си смогла привлечь к сотрудничеству, был Томас Манн. Его отношения с немецкой службой Би-би-си можно по праву назвать уникальными. В сентябре 1940 года Би-би-си обратилась к Т. Манну с просьбой периодически выступать с короткими обращениями к своим соотечественникам, комментируя военные события и пытаясь воздействовать на немецкую аудиторию в соответствии со своими убеждениями.

Согласно концепции целевой аудитории Би-би-си, выступления предназначались для всех немцев, как для тех, кто эмигрировал и находился за пределами Германии, так и для немецкого населения, оставшегося в стране.

Финансовые причины не сыграли никакой роли в решении Манна, принять предложение корпорации, поскольку в Америке он мог зарабатывать на жизнь своими книгами. Он рассматривал свои выступления по радио как служение Германии и отказывался принимать за нее какую-либо материальную компенсацию.

В то время у Манна было мало практического опыта работы на радио. Впервые он читал лекцию перед микрофоном для франкфуртской радиостанции 1925 году. Согласно плану Би-би-Си Манн должен один раз в месяц выступать перед немецкими слушателями с пятиминутной речью объемом около 500 слов. Спустя некоторое время по просьбе Манна время выступления несколько раз было увеличено на 3 минуты.

Манн был хорошо информирован о том, что происходило в Германии и Европе. Конечно, он внимательно следил за местной прессой, сначала в Принстоне, а затем в Лос-Анджелесе, и слушал американское радио. Однако использование только этих источников не объясняет, откуда он черпал свои подробные знания о событиях в театрах военных действий, воздушных налетах и бомбардировках немецких городов, немецких ответных ударах по Лондону и южной Англии, решениях военных конференций, содержание нацистской пропаганды и т. д. Дополнительную информацию ему предоставляло Управление военной информации США. Примечательно, что Манн в своих речах иногда намекает, что его информация исходит из особых, возможно, секретных источников, но умалчивает о их природе.

При записи комментариев Т. Манна Би-би-Си столкнулась со следующей проблемой: писатель жил не в Лондоне, а в США. Поскольку Манн не мог каждый раз приезжать в Великобританию, когда должен был состояться радиорепортаж, он поначалу обходился следующим способом передачи: отправлял свои тексты в виде телеграмм Би-би-си в Лондон, где они переводились немецкоговорящим сотрудником и зачитывались перед микрофоном. В марте 1942 года Манн предложил другой, более сложный, но и более эффективный метод передачи. Он записывал речь на пластинку в отделе звукозаписи NBC в Лос-Анджелесе, затем ее отправляли самолетом в Нью-Йорк, а ее содержимое передавалось по телефону на другую пластинку в Лондоне, которая находилась перед микрофоном. Таким образом, те, кто слушал Т. Манна, слышал не только его слова, но и его голос [2, S. 79].

Поскольку наиболее распространенный в Германии тип радио не имел коротковолнового диапазона, Би-би-Си транслировала радиообращения на длинных волнах. Только первые выступления удалось транслировать на коротких волнах — вероятно, из-за нехватки вещательных мощностей. Поэтому, помимо распространения речей по радио, часть их сбрасывалась в Германии в виде листовок Королевскими военно-воздушными силами, обычно через месяц после трансляции.

Речи Томаса Манна на радио Би-би-Си представляют собой решительные и бескомпромиссные выступления писателя по поводу происходящего в Европе в совре-

менную ему эпоху. Он выступает в них в роли комментатора, политического агитатора и полемиста, аналитика и просветителя, утешителя и провидца, оказывая мощное влияние на своего слушателя.

Как писатель, Т. Манн воспринимает насилие нацистского режима так же, как языковое насилие. Его критика использования нацистами языка во многом основана на стремлении о соблюдении чистоты немецкого языка. В одном из своих писем он пишет: «Тайна языка велика; ответственность за него и его чистоту... духовного характера... это ответственность за свой собственный народ... Мне повезло родиться в великом народе с великим культурным языком, в богатых духовных традициях которого укоренена моя жизнь... Как эмигранты, у которых украли жизненное пространство в Германии, у нас остался только один дом: наш великий и драгоценный немецкий язык, носитель немецкой интеллектуальной культуры...» [6, С. 195].

Нацистскую пропаганду Манн называет «наглой фальсификацией разума, бесстыдным извращением языка» и «сознательным переворачиванием истины с ног на голову». В речи от июня 1942 года он произносит: *„Es ist die Verrücktheit, die eine verwirrte Welt hat, absolut werden lassen und die nun die Macht hat zu jeder **Schändung des Wortes, der gesunden Vernunft, des Menschenstandes**.“* (Deutsche Hörer! Juni 1942)

Нацистский жаргон представлял собой использование языка, служившего целям тоталитарной политики. Примером новой трактовки понятий может послужить эмоциональное переосмысление слова «фанатизм». Из отрицательно заряженного термина оно превращается в ключевое нацистское слово, которое должно было характеризовать страстную преданность немецкого народа своему лидеру как основную немецкую добродетель. Томас Манн использовал в чем-то схожие риторические приемы. Полурелигиозным или магическим выражениям Геббельса, таким как «священная миссия» и «чудо», «пророк» в отношении Гитлера и его действий, Манн противопоставил свою метафору ада: Гитлер как дьявол и путь Германии как путешествие в ад:

„Die Hölle, Deutsche, kam über euch, als diese Führer über euch kamen“ (November 1941).

*„Der Inhalt, die neue Lehre und Tat, die Theorie und Praxis der national-sozialistischen Revolution ist der **Bestialismus** – er allein...“* (Januar 1942)

*„Denn das ist keine Politik und kein Staat und keine Gesellschaftsform, das ist **Bosheit der Hölle**, und der Krieg dagegen ist die heilige Notwehr der Menschheit gegen das schlechthin **Teuflische**“* (15. Oktober, 1942).

Разъясняя немецкому слушателю сущность нацистской идеологии, предупреждая об ее опасности, Т. Манн призывает в своих речах к восстанию:

„Deutsche, rettet euch! Rettet eure Seele, indem ihr euren

Zwingherrn, die nur an sich denken und nicht an euch, Glauben und Gehorsam kündigt!“ (Dezember 1940).

„Erwache, Deutschland! Erwache zur Wirklichkeit, zur gesunden Vernunft, zu dir selbst...“ (Juli 1941)

„Deutsche! Ihr solltet selbst die niederträchtige ... Herrschaft von euch schütteln“ (August 1941)

Т. Манн – представитель уникальной культурософии, специфической эстетики системы образов, активно и смело употребляет бранную лексику в своих речах, что может показаться неожиданным для него. Данный прием является одним из наиболее ярких и частотных языковых средств в данном мета-тексте. Бранные слова придают выступлениям резкий полемический и агрессивный тон. Вся вербальная агрессия направлена Т. Манном против Гитлера и его порядка:

Hitler – der armselige Geschichtsschwindler, stupider Verbrecher (November 1940), *eine Katastrophe, ein blödsinniger Wüterich* (April 1942), *der klägliche Schurke* (Juli 1942), *ein fanatischer Idiot* (November 1942), *Monstrum, Lügenfratze* (29. November 1942).

Появление здесь номинаций лиц с резко отрицательной характеристикой служит намеренному обострению проблемы, сознательной демонстрации противоположной позиции писателя, противопоставлению себя нацистскому режиму и его предводителю.

Характерной особенностью радиообращений Манна является техника библейского цитирования. Речи Томаса Манна, как правило, имеют пророческий тон и содержат несколько характерных библейских намеков, особенно на прощальные речи Иисуса в Евангелии от Иоанна:

*„Aber etwas ist, das wirklich um eurer willen, aus sozialem und nicht aus privatem Gewissen geschah, und täglich wächst meine Überzeugung, dass **die Zeit kommen wird und schon näher kommt**, wo ihr es mir danken und es mir höher anrechnen werdet als meine Geschichtenbücher: das ist, dass ich euch warnte, als es noch nicht zu spät war, von den verworfenen Mächten, in deren Joch ihr heute hilflos geschrirrt seid und die euch durch tausend Untaten in ein unvorstellbares Verderben führen“* (November 1941).

В апреле 1942 г. Т. Манн также предупреждает о тяжелом будущем Германии:

„Die Zeit kommt und ist schon da, wo Deutschland zu schluchzen hat auch über das, was es erleidet“ (April 1942)

Параллельное место мы находим в Евангелии от Иоанна 16, 32, в котором Иисус предупреждает о надвигающейся катастрофе:

„Siehe, es kommt die Stunde, und ist schon gekommen, dass ihr zerstreuen werdet, ein jeglicher in das Seine, und mich allein lasset“ (Johannes 16, 32).

В июльской речи 1942 года писатель говорит о близ-

ком освобождении от фашистского ига:

*„Nicht wir hier draußen bedürfen des Trostes, wenn die Kriegslage aussieht wie jetzt. Wüsstet ihr, wie sicher wir unserer Sache sind, die für den Anfang und als Vorbedingung alles Weiteren, die Sache von Hitlers Untergang ist! Der ist besiegelt. **Glaubt nur, und fürchtet euch nicht!**“...“Es geht zu Ende, Deutsche, glaubt mir und seid getrost!“ (Juli 1942)*

В соответствующем месте Библии читаем:

*„Und er sprach zu seinen Jüngern: Euer Herz erschrecke nicht. **Glaubet an Gott** und glaubet an mich (Johannes 14, 1).*

*„**Euer Herz erschrecke nicht, und fürchte sich nicht**“ (Johannes 14, 27).*

Прибегая к библейским цитатам, призывая к христианским ценностям, Т. Манн исходил из того, что верующие люди среди его слушателей узнают и поймут цитируемые тексты. Он использует язык библии против Гитлера как против лжепророка, против «лже-мессии».

«На поле битвы» против нацизма выступают в речах писателя и великие немецкий классики – Гёте, Шиллер, Гердер и Келлер. Цитаты из классической немецкой литературы являются важным оружием Т. Манна в его вербальной борьбе с «теми, кто искажает слово». Так же, как он использует в своих целях цитаты из Библии, он также использует слова писателей и поэтов.

Обращение к немецкому слушателю в сентябре 1941 года Т. Манн начинает, цитируя строки Шиллера из «Истории тридцатилетней войны»:

„In seiner wundervollen ‚Geschichte des Dreißigjährigen Krieges‘ erzählt Schiller, wie die Feinde des ritterlichen Gustav Adolf von der Grausamkeit seiner Kriegsführung absichtlich die schrecklichsten Gerüchte verbreiteten, die auch nicht durch die glänzenden Beispiele der Menschlichkeit, die der König gab, ganz widerlegt werden konnten. „Man fürchte“, sagte Schiller, „von einem anderen zu leiden, was man in ähnlichem Fall selbst auszuüben sich bewusst war.“ (September 1941)

Таким образом, Т. Манн просвещает своих слушателей, разоблачая пропаганду Геббельса, поднимая вопрос о психическом насилии предводителей нацистской Германии над своим народом:

„Das deutsche Volk fürchtet, wenn es seine Kriegsherrn im Stich ließe, das zu erleiden, wovon es weiß, dass die Nazis es im Falle ihres Sieges den anderen zufügen würden: Die Vernichtung. Die Goebbels-Propaganda schreit es ihm täglich in die Ohren: Ihr müsst siegen oder ihr werdet vernichtet“ (September 1941).

Обращение в сентябре 1941 года Т. Манн заканчивает строками Гете из «Пробуждения Эпимеда» (Des Epimenidas Erwachen), направленными против Наполеона. После того, как в своей речи Т. Манн прямо сравнивает Гитлера с Наполеоном, он направляет цитату из Гете про-

тив Гитлера:

*„**Hitler** ist zuweilen mit **Napoleon** verglichen worden – eine geschmacklose Zusammenstellung in meinen Augen; denn der Korse war ein Halbgott im Vergleich mit dem blutigen Duckmäuser, den ihr Deutsche eine Weile für einen großen Mann gehalten habt; und die Universalherrschaft, mit der der Sohn der Revolution damals die Welt bedrohte, war eine Harmlosigkeit, ja, sie wäre eine tyrannische Wohltat gewesen, verglichen mit dem schmutzigen Schrecken, den Hitler errichten würde. Aber hört die Verse, mit denen Goethe nach Napoleons Sturz in ‚Des Epidemides Erwachen‘ das Hitler-Abenteuer im voraus verdammt:*

*„Verflucht sei, wer nach falschem Rat
Mit überfrechem Mut
Das, was der Korse-Franke tat,
Nun als ein Deutscher tut!
Er fühle spät, er fühle früh.
Es sei ein dauernd Recht;
Ihm geh’ es, trotz Gewalt und Müh,
Ihm und den seinen schlecht!“*

Цитирует Т. Манн также фразы и отрывки из речей нацистских предводителей, вскрывая их лживость и лицемерие, обличая «языковое насилие» нацистского режима:

„Deutsche Hörer!

Das Wort von der bevorstehenden „Versklavung des deutschen Volkes“, mit dem die Nazis-Propaganda arbeitet...“ (1. Mai 1945)

„Die Drohung mit der Erniedrigung des deutschen Volkes in den Sklavenstand ist eine Lüge. Keines Volkes Versklavung kann das Ziel der Völkerkoalition sein“ (1. Mai 1945)

„Herr Goebbels, nicht blind für das Bevorstehende, ruft heute: „Die Menschheit ist ohne Deutschland undenkbar!“ Sie ist wohl denkbar, und mit Vergnügen denkbar, ohne ihn...“ (1. Mai 1945)

Необходимо отметить, что для стиля Т. Манна характерно использование противопоставлений, оппозиций «отрицательный – положительный», «добрый – злой», «здоровый – больной», «нормальный – экстремальный». Идея речей сама по себе является противостоянием Гитлеру и его режиму. Выступления являются своего рода контрпропагандой, «противоядием», направленным против преступной нацистской идеологии, против нацистской Германии, которая не может быть ни немецкой, ни христианской:

*Das **nationalsozialistische Deutschland**, das heißt: ein Deutschland, das weder deutsch noch christlich mehr sein darf... (Dezember 1940)*

*Ich kannte euch auch, **gute Deutsche** ... (November 1941)*

*... **dem alten, guten Deutschland** der Kultur und Bildung (August 1941)*

*Erniedrigung ... nichts anderes denkt **das Nazi-Deutschtum** den Brüdervölkern der Erde zu (Februar 1942)*

*Euer Ende, **das Ende des Deutschtums** sollte es sein, wenn*

*nicht er, sondern Vernunft und Menschenanstand den Sieg davontragen? **Des Deutschtums Neubeginn**, seine Wintersonnenwende wird es sein, neue Hoffnung, neues Glück und neues Leben! (Dezember 1940)*

Тематические повторы – следующая важная техника коммуникативной стратегии в речах. Политическое и этическое – две глобальные гипертемы, которые звучат во многих произведениях Т. Манна. В речах эти темы выражаются, в первую очередь, в теме Германии, теме немецкого народа, теме «немецкого» и «немецкости» вообще.

Эксплицитно эти темы ярко выражены в первую очередь тематически центральной морфемой *Deutsch* в составе различных словообразовательных конструкций:

ein deutscher Schriftsteller, deutsche Sprache, vom Deutschesten, die deutsche Kriegsmaschine, der deutsche Nationalismus, dem deutschen Volk, das deutsche aller Feste, ein Appel an alles bessere Deutschtum, Nazi-Deutschtum, eine deutsche Stimme; die Stimme eines Deutschland, ein Deutscher, dem Deutschland Dürers und Bachs und Goethes und Beethovens.

После войны писателя обвиняли, особенно в кругах так называемой «внутренней эмиграции», в том, что он возвысился до положения судьи над немцами, так и не испытав на себе ужасов нацистского правления. Манн ответил на это обвинение в своей речи о Гете в 1949 году:

„Wer sie (die Radioreden) aber gehört hat..., der weiß, dass ich nicht, wie böse Unwissenheit mir vorwirft, aus sicherer ferne mein Vaterland, Deutschland, damit beschimpft, verraten

und verleugnet habe, sondern dass jeder Schimpf, jedes heiße Wort des Zornes und des Abscheu darin nur den machthabenden Verführern Deutschlands und ihren Untaten galt; dass sie eingegeben waren von dem Entsetzen vor dem Abgrund, den sie aufrissen zwischen Deutschland und der übrigen Welt, ... eingegeben freilich auch von dem Wunsch, den Deutschen, die ähnlich empfanden wie ich, einer bangenden, von Hitlers Falschsiegen erschreckten Welt und im Grunde mir selbst Mut zuzusprechen, ... und, glauben Sie mir! – ich habe ergreifende Beweise dafür - : dieser Zuspruch hat vielen, vielen verstörten und leidenden Seelen über die ganze Welt hin Trost und Kraft und Glauben gebracht, auch in Deutschland, das weiß ich... [2, с. 149].

Доподлинно не известно, сколько было слушателей у Т. Манна. Однако, известно, что после начала второй мировой войны многие немцы все же слушали английское или советское радио, чтобы узнать подлинную картину происходящих событий. Только за первый год второй мировой войны свыше 1.500 немцев были отправлены в концлагеря, тюрьмы или на исправительные работы за то, что слушали зарубежные радиостанции.

Также точно не известно, какое именно воздействие произвели речи на немецких слушателей. В любом случае, попытка Т. Манна прямо обратиться к своим соотечественникам, чтобы помочь им преодолеть изоляцию и оказать моральную поддержку, его радио-миссия заслуживает огромного уважения. Никто больше из немецких писателей-эмигрантов не отважился на акцию такого масштаба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Thomas Mann. Tagebücher. 1933-1934. Hrsg. v. Peter de Mendelssohn. – Frank. /M.: S. Fischer Verlag, 1977. – 846 S.
2. Weidenhaupt Heike. Gegenpropaganda aus dem Exil: Thomas Manns Radioansprachen für deutsche Hörer 1940-1945. – Konstanz: UVK Verlagsges., 2001. – 173 S.
3. Mann Thomas. Sechzehn Jahre. Vorrede zur amerikanischen Ausgabe von „Joseph und seine Brüder. Ungekürzt in: Hamburger Akademischer Rundschau. Nachdruck des zweiten Jahrgangs (1947/1948), Heft 11/12. – Berlin/ Hamburg, 1991. – S. 561-562.
4. Mann Thomas. Ansprache im Goethe-Jahr 1949. GW Bd.11. – Berlin: Aufbau, 1956. – 775 S.
5. Mann Thomas. Leiden an Deutschland. GW Bd.12. – 843 S.
6. Hoffschulte Martina: „Deutsche Hörer!“ Thomas Manns Rundfunkreden (1940 bis 1945) im Werkkontext. – Münster: Verlag für Kulturwissenschaft, 2003. – 469 S.
7. Mann Thomas: Deutsche Hörer! Radiosendungen nach Deutschland aus den Jahren 1940 bis 1945. Durchgesehene und erweiterte Neuausgabe. – Frank. /M.: S. Fischer Verlag, 2004. – 199 S.

© Снежкова Ирина Анатольевна (010080@togudv.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»